

О том, как в 12 лет работал на военном заводе, о давке на похоронах Сталина и встрече с Маргарет Тэтчер

<https://oralhistory.ru/talks/orh-1428>

8 июня 2012

Собеседник

Лукьянов Анатолий Иванович

Ведущий

Найденкин Михаил Сергеевич

Дата записи

Беседа записана 8 июня 2012 и опубликована 25 июня 2013.

Введение

Анатолий Иванович воочию наблюдал начало войны и вместе с бабушкой бежал от наступающих немцев. В 12 лет он работал на заводе, выправляя поврежденное в боях оружие. Он вспоминает о первой учительнице литературы, привившей любовь к поэзии и о том, как Александр Твардовский отговорил его быть поэтом и посоветовал стать юристом. Важным увлечением во время учебы на юридическом факультете МГУ стали горные походы, в которых он познакомился со своей будущей женой. Анатолий Иванович вспоминает о преподавателях МГУ и о том, как был свидетелем давки на Трубной площади в связи с похоронами Сталина. Важным этапом его профессиональной деятельности стала работа в комиссии, которая готовила советскую конституцию 1977 года на даче Сталина. Завершается беседа рассказом об отношениях с Михаилом Горбачевым и встрече с Маргарет Тэтчер и о том, как Запад повлиял на распад Советского Союза.

Михаил Сергеевич Найдёнкин: Вы родились в самом городе Смоленске?

Анатолий Иванович Лукьянов: В городе Смоленске. Отец был военнослужащий, он погиб в войну.

М.Н.: В каком году?

А.Л.: Он погиб в 42-м году. Мать работала машинисткой в смоленском обкоме партии. Была эвакуирована в Кондрово – это районный центр, там во время оккупации находился смоленский обком. Потом уже она нашла нас с бабушкой и братьями. Мы были в эвакуации под Саратовом. Мама попала под бомбёжку под Сталинградом и почти оглохла.

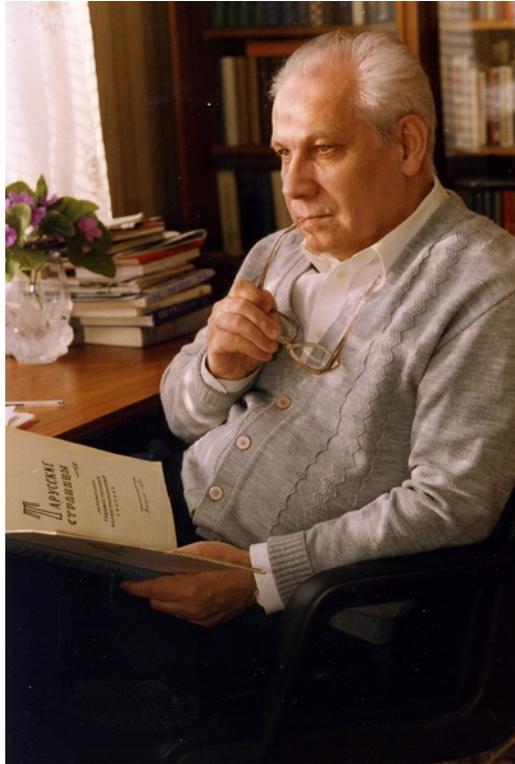
М.Н.: А как вы узнали о войне?

А.Л.: В 41-м мне было одиннадцать лет. В июне я поехал к своей тётушке в Минск. А 22 июня немцы уже бомбили Минск. Так что о войне я не просто узнал, а сразу увидел ее воочию. Потом на крыше вагона я добрался ещё с несколькими мальчишками к себе домой в Смоленск. Но уже 28 июня была бомбардировка Смоленска, и наш дом сгорел вместе со всеми моими книгами, с коллекцией марок... Тогда мы с бабушкой и с братьями ушли пешком из Смоленска. Сначала в деревню в Монастырщинский район, а потом пошли дальше – немцы же наступали. Дошли пешком почти до самой Соловьёвой переправы, где потом была знаменитая смоленская битва. Добрались до Козельска, потом до Тулы, там нас погрузили в вагоны и отвезли эвакуацию в город Балашов в Саратовскую область. Было голодно, трудно. Младшему брату всего годик. Мать на фронте. И я пошёл работать на военный завод. Это был филиал знаменитого киевского завода «Арсенал», который эвакуировали в Балашов. Балашов недалеко от Сталинграда. Поэтому когда началась Сталинградская битва оттуда привозили сломанное оружие и обмундирование (каска иногда были с головами). И мальчишкам дали возможность работать на станках, особенно при выправлении оружия, которое поступало с фронта. Я был еще маленький, не доставал сначала до станка. Для роста мне поставляли ящик. Позже я вступил там в комсомол. Мы получали по куску кукурузного хлеба, две воблы в неделю и махру.

Потом, когда освободили Смоленск, мы вернулись в разбитый город домой. Там я продолжал и учиться, и работать. На авиационном заводе.

М.Н.: Расскажите, что повлияло затем на ваши интересы?

А.Л.: У меня была удивительная учительница, прекрасно знавшая литературу Софья Наумовна Ханина... Благодаря ей я был просто влюблён в литературу, в стихи. Я всю жизнь поддерживал с ней связь. Очень интересная, умная и своеобразная женщина. Так я втянулся сам писать стихи. Я окончил школу с золотой медалью, и поэтому для меня был открыт любой ВУЗ. Я хотел поехать в Москву на факультет журналистики. Тогда Софья Наумовна познакомила меня с Александром Трифоновичем Твардовским, который, выслушав меня, сказал: «Знаешь, что? Стихи пусть пишутся. Бог с ними. Но не ходи ты в литературу, и особенно в журналистику, чёрт-те знает, что пишут. Для того чтобы писались стихи, надо знать жизнь». И добавил: «Давай попробуй, иди на юридический». Так я попал на юридический факультет МГУ. Жил в знаменитом общежитии на Стромынке. Там меня избрали председателем студенческого клуба. К нам туда в общежитский клуб приезжали артисты, играл Гилельс, приходил Грибов, читали Трифонов и Илья Эренбург. Потом меня избрали в комитет комсомола МГУ. Потом уже в аспирантуре я стал заместителем председателя комитета комсомола МГУ. Во время фестиваля молодежи и студентов познакомился с Иржи Пеликаном, председателем Международного союза студентов. В то время увлекался сравнительным правом. Ходил в горы. Там в походе познакомился со своей будущей женой, которая тоже была заместителем секретаря комитета комсомола. Только училась на биофаке.

За рабочим столом

Наш факультет состоял из трех групп: одна группа – это были военнослужащие, которые прошли войну, они жили в общежитии. Это крепкий народ, многое я от них услышал, многое узнал. Вторая группа была – москвичи. Эти гораздо больше знали. Бывали в консерватории, в библиотеках, разбирались во многих вещах и немножко были по отношению к нам, к работягам, критически настроены. Но меня это заставило еще больше заниматься, чтобы догнать их во что бы то ни стало. Грузил уголь или дрова, или какие-то арбузы на станции, а потом шел в консерваторию, на галёрку во МХАТ, в Большой театр... Так росла эта, а она была довольно большая, прослойка, которая перенесла войну, на фронте ещё не была, но уже поработала, понюхала, что такое жизнь. Вот так я оканчивал университет, а потом аспирантуру университета. Закончил с отличием.

М.Н.: А кто еще был в вашей горной компании?

А.Л.: Хорошим альпинистом был, например, Рэм Хохлов, будущий ректор МГУ. Были ребята экономисты, историки. Мы ходили на Тянь-Шань, в Крым, по Енисею. Были в Красноярске на знаменитых Орлиных скалах. С тех пор мы с Людмилой всегда ходили в горы вместе. Потом уже, после аспирантуры она стала моей женой, и мы пятьдесят пять лет живём вместе.

М.Н.: Анатолий Иванович, а вот из своих однокурсников и преподавателей кого бы вы, может быть, вспомнили?

А.Л.: На факультете у нас были прекрасные преподаватели. Историк Серафим Владимирович Юшков, историк права Петр Николаевич Галанза, специалист по теории государства и права Андрей Иванович Денисов, величайший государствовед Степан Федорович Кечекьян... Кечекьян очень хорошо знал сравнительное право. Вот в него-то я и вцепился. Потом мне это очень пригодилось, когда мой научный руководитель профессор Денисов после защиты кандидатской диссертации направил меня в юридическую комиссию при Совете Министров СССР.

М.Н.: Просто взлёт! У вас такой карьерный шаг!

А.Л.: Нет, это не был карьерный шаг. Я работал там консультантом.

М.Н.: Как это? Ну, все равно...

А.Л.: Но я оказался тем консультантом, который знает сравнительное право. И поэтому меня довольно быстро стали направлять в различные страны. Например, в Польшу, когда были польские события. Еще в университете я вступил в партию...

М.Н.: В аспирантуре уже?

А.Л.: Да, и я вам скажу, что никогда я потом своей партии не предавал, и я остаюсь коммунистом теперь. Несмотря на все перипетии.

М.Н.: А как строилась высотка МГУ помните?

А.Л.: Конечно помню. Мы все работали на этой стройке. Между прочим, строительство МГУ было видно из окошка Сталина,

из его дачи.

М.Н.: Это которая находится в Матвеевском?

А.Л.: Да. Теперь Матвеевское, а тогда это был лесок. А сначала котлован был огромный... Как говорил главный архитектор здания Руднев, вес грунта, вынутого из этого котлована, был равен весу построенного здания.

Мы приходили сюда и работали на строительстве. Одевали сапоги, потому что грязь была по уши. Да, частично университет строили заключённые. Но, конечно, не только они, это чепуха собачья. Тогда ректором был Несмеянов, очень сильный, очень интересный человек, который хорошо понимал, как надо с молодёжью работать. Тогда же настигла нас смерть Сталина. И мы с ребятами дежурили на Трубной площади, знаменитой Трубной площади, на которой погибло очень много людей. Мы целую ночь там дежурили, помогая разбирать жуткий людской завал, чтобы хоть как-то помочь. Так я узнал, что такое беспощадная московская толпа.

М.Н.: А вот эта смерть Сталина, как изнутри этой толпы? Ваши ощущения как можно передать?

А.Л.: Величайшее горе.

М.Н.: Искреннее?

А.Л.: Абсолютно искреннее, никаких вопросов не было. Ничего подобного по сравнению с тем, что сейчас говорят. На Трубную площадь с двух сторон шли люди, думая, что там начинается движение к Колонному залу. А там узенькая улица такая, с одной стороны монастырь, монастырская стена, по которой людей в давке просто размазывало. А люди все шли и шли. Подлезали под машины. Военные им говорили: «Нельзя, там задавят». Всё равно шли. Вот какое было отношение к Сталину. Огромный поток. Огромное (без преувеличения) горе, уважение и любовь к этому человеку. Огромное страдание: как они будут жить? Как будет жить страна без Сталина? Это точно, это я ничего не прибавляю. Сам я Сталина видел только один раз, во время парада физкультурников, когда мимо мавзолея шла колонна МГУ.

М.Н.: А в толпе кто-то был с семьями, с детьми были люди?

А.Л.: Нет, с детьми было мало. Понимали, что нельзя. Потому что раздавят просто. Я вернулся в общежитие с оторванными подметками ботинок и целиком оборванными пуговицами на пальто.

М.Н.: Ваша группа не пострадала?

А.Л.: Я не помню, по-моему, кому-то там досталось, но в общежитие мы вернулись все. Страсти, которые описал Евтушенко (я ему, между прочим, сказал об этом), не соответствуют действительности. Величайшее горе двигало Москвой. И заботы о том, как жить будем дальше? Я не занимаюсь никакой агитацией. Люди привыкли, что в течение пяти лет этот человек концентрировал в себе волю победы над Гитлером. Вот что главное. Я видел потом, когда на Параде победы бросали гитлеровские знамёна к подножию Мавзолея, это была не радость, это был акт борьбы с фашизмом.

М.Н.: Давайте вернемся к юридической комиссии.

А.Л.: Надо сказать, что в юридической комиссии было интересно. Я проработал там довольно долго, подрабатывал одновременно в журнале «Советское государство и право»... Мы с ещё одним нашим выпускником сделали рубрику «Зарубежное законодательство». И в каждом журнале стал появляться материал о том, как развивается зарубежное законодательство. Это было впервые сделано.

М.Н.: Вы имели доступ к актуальным материалам?

А.Л.: Конечно. Можно было подписаться, например, на французский журнал «Право», на немецкий журнал «Право», на «Право» Индии. Мы всё это получали в редакции журнала и переводили на русский язык. Никаких запретов не было.

М.Н.: В 50-е годы?

А.Л.: Да.

М.Н.: А вы в университете какой язык изучали?

А.Л.: В университете я изучал два – немецкий и английский. Но, сказать, что я их в совершенстве знаю, не могу. Хотя бывал и в Америке, и в Германии, и во многих странах. Семьдесят стран, больше семидесяти стран.

М.Н.: Анатолий Иванович, не могли бы Вы ещё рассказать о том, как возникла в 48-м году ваша страсть к коллекционированию?

А.Л.: Случайно

М.Н.: Совершенно случайно?

А.Л.: Да, совершенно случайно. После встречи со Смирновым-Сокольским я стал собирать книги старые, в том числе очень редкие. И даже марки стал собирать, и зарубежные и советские. В общем, такие бывают чокнутые коллекционеры, как я. Сейчас библиотека Смирнова-Сокольского, которую хотели немножко, как говорится, разобрать на части – а там невероятные ценности – она полностью вместе с кабинетом Смирнова-Сокольского перенесена в Ленинку. Я приложил к этому некоторые усилия, чтобы её перенесли и сохранили полностью. Он-то мне тогда в ту первую встречу сказал: «Видишь, вот Радищев, прелесть какая! Но это все сухие листья. Вот бы услышать голос, вот бы узнать, как это рождалось, вот бы расспросить Радищева, почему это у него так. У Пушкина, какой голос был? Писклявый или нет? Не знаю». Тогда-то я и задумался о библиотеке голосов.

М.Н.: А Иракий Андроников, как вы сказали, поддержал его?

А.Л.: Ираклий был другой. Ираклий изучал Лермонтова. Его больше интересовала жизнь писателя, не текст произведения, а жизнь и то, как рождались стихотворения. Очень умный человек был, очень интересный. Абсолютно интернациональный. Вышло десять пластинок, больших эбонитовых пластинок с голосом Ираклия Андроникова. Я благодарен судьбе, что я записывал и его голос.

М.Н.: Анатолий Иванович, а как продолжалась ваша работа в комиссии при Совете Министров?

А.Л.: Я занимался сравнительным правом, был в Польше во время событий. Разговаривал с Гомулкой, генеральным секретарём и маршалом Польши. Это потом появился Ярузельский. С ним тоже встречался. Очень интересная была встреча.

В 59-м году меня перевели из юридической комиссии. Хрущёвский период кончался и начинался брежневский. Брежнев пришел в Кремль, и ему нужен был человек, который знал зарубежное право. Так я стал сначала старшим референтом в аппарате Президиума Верховного Совета СССР. Брежнев был председателем Верховного Совета к тому времени, ещё не генеральным секретарём. И очень скоро мне было поручено работать в комиссии, которая начала готовить в то время, в конце 50-х – начале 60-х годов, проект Конституции, будущей советской Конституции 77-го года. Я входил в эту группу вместе с другими учеными – нас было семь человек. Академик Владимир Кудрявцев – директор Института государства и права Академии наук, Иван Самощенко – директор Института советского законодательства, мой однокурсник профессор Борис Лазарев, известный политобозреватель Александр Бовин. С ним у меня до самой его смерти были хорошие отношения.

Мы готовили эту Конституцию, и тогда же было поручение: Хрущёву позвонил Брежнев и попросил кого-нибудь из нас заняться архивом советских Конституций. Я удивился: «Но этим же занимался Сталин». Мне ответили: «Вам дадут». И мне дали архив. И так я четыре месяца работал над архивом Сталина по подготовке Конституции 1936 года, увидел все тонкости его работы. И познакомился с этой личностью вообще. Это было очень интересно. Потому что я увидел, сколько он читал, я увидел, как он правил документы, я увидел, насколько осторожен он был, никогда не выпячивался по каким-то личным вопросам... Да, это был строгий человек. Да, были, видимо, нарушения, были резкости, но это был очень умный и очень сильный политик. О Сталине надо рассказывать отдельно.

М.Н.: Ну вот да, если можно, Анатолий Иванович...

А.Л.: Это отдельно. Потому что тут надо взять те документы, которые я изучал по Конституции, там всё прошло через руки Сталина. Повторяю, это очень интересно.

М.Н.: То есть по ним можно... по ним вы так или иначе его портрет для себя нарисовали?

А.Л.: Да, портрет... Я считаю преступлением то, что делается сейчас по отношению к Сталину. Это неправильно.

М.Н.: Вы имеете в виду декларированную программу десталинизации.

А.Л.: Да. Это безобразие. Сами свою историю не уважают. Сильный человек, очень пронизательный. Очень скромно живший! Когда Сталин умер, нас, комсомольский актив, пустили в его дачу работать. И мы, кстати, готовя Конституцию 77-го года, жили там, на даче, и там готовили.

М.Н.: Это вот опять же здесь недалеко?

А.Л.: Да, да. Ну это опять-таки отдельный разговор. Про Конституцию можно рассказывать очень долго.

М.Н.: Как же? Вы прямо жили на даче Сталина?

А.Л.: Да, да.

М.Н.: Всей командой?

А.Л.: Да, всей командой. Нас не особенно выпускали. Команда должна была работать. А команда – это сложная штука. Сначала на даче Сталина, потом нас отправили в Заречье...

М.Н.: Сколько лет всего продолжалась?

А.Л.: Очень долго. Она с 61-го года шла, работа. С 61-го года по 77-й.

М.Н.: А кто вас курировал?

А.Л.: Пономарёв, секретарь ЦК Пономарев, и Демичев. А потом, когда Конституция была готова – Александров, помощник Брежнева. С ним вдвоем мы прочитали Конституцию Брежневу и обсудили с ним очень многие вопросы.

М.Н.: В смысле прочитали вслух?

А.Л.: Да.

М.Н.: А почему вы выбрали... почему именно так?

А.Л.: А потому что перед ним лежал текст, и можно было комментировать. Там же много споров было. Конституция – это всегда очень спорный вопрос. Потом мы получили ещё огромное количество предложений от населения.

М.Н.: Предложений от населения?

А.Л.: Да. Проект Конституции был вынесен на всенародное обсуждение. Оно шло с мая по сентябрь 1977 года. И за это время мы получили около 400 000 предложений. Из них очень многое было учтено. Одна поправка даже принадлежала лично Леониду Ильичу...

М.Н.: Почему «даже»?

А.Л.: Ну, это потому что в остальном он был согласен, а тут... Это статья об ответственности родителей перед детьми. Брежнев дополнил эту статью обязанностью совершеннолетних детей заботиться о своих родителях. Когда писали Конституцию я уже был заместителем заведующего Отделом по вопросам работы Советов аппарата Верховного Совета СССР. Потом защитил докторскую диссертацию и стал уже заведующим отделом.

М.Н.: А как отдел назывался?

А.Л.: Отдел по вопросам работы Советов. А в 1977 я стал заведующим Секретариата президиума Верховного Совета СССР.

М.Н.: Анатолий Иванович, а вот после общежития где вы жили в Москве?

А.Л.: Я жил долго-долго в общежитии. Сначала в студенческом на Стромынке, потом в аспирантском уже в новом здании МГУ. Потом женился. Сначала жили у ее родителей – у Людмилы отец метростровец. Потом мы получили маленькую квартирку с печкой посредине в Глинистом переулке недалеко от станции метро «Проспект мира». Моя жена закончила биолого-почвенный факультет, раньше меня защитила и кандидатскую, и докторскую диссертации. Сейчас она член-корреспондент Академии медицинских наук.

М.Н.: А она работала по профессии на протяжении своей жизни?

А.Л.: Она и сейчас работает. В 81 год. Она очень известный ученый. В книге «Кто есть кто в России» мы с стоим ней через одного.

М.Н.: Анатолий Иванович, а странно, вот вы сказали, что у вашей супруги отец метростровец и...

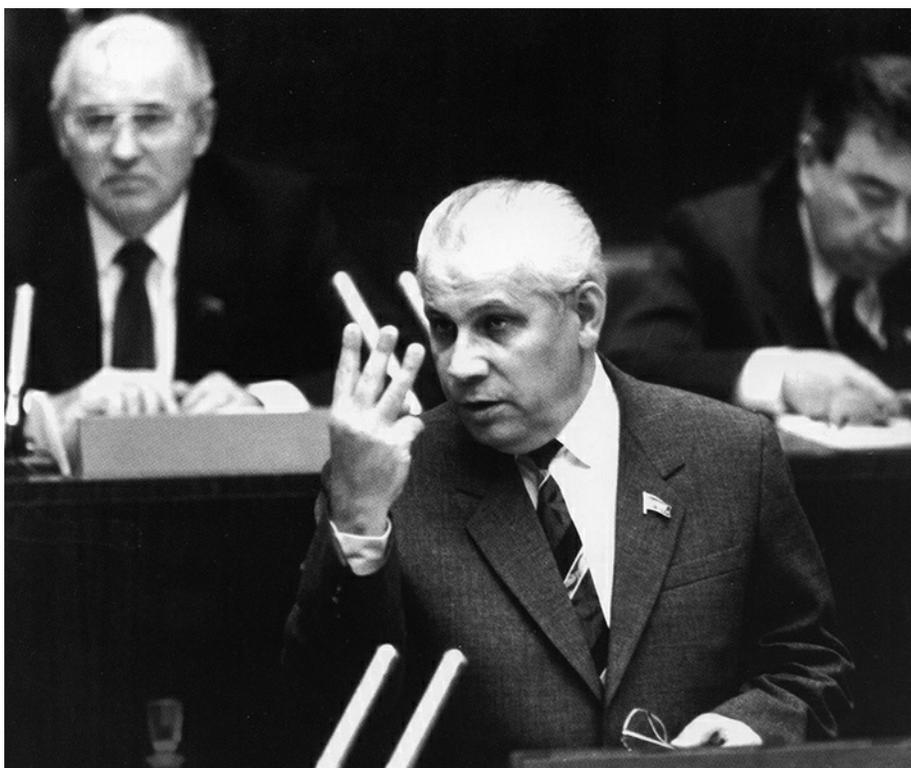
А.Л.: Ну да, инженер-геодезист.

М.Н.: А почему же всего одна комната у вас была?

А.Л.: У них была своя комната.

М.Н.: А, у них своя комната, у вас – своя... Понятно. Просто интересно, с какими местами в Москве связан ваш жизненный путь. Или вы как-то не очень привязаны к месту, видимо?

А.Л.: Да нет... Вот там, где метромост через Москва-реку, между Бородинским и Новоарбатским мостами – вот с этим местом – набережной Тараса Шевченко больше всего связано. Там в так называемом «доме нефтяников» нам там дали уже побольше квартиру. Там выросла моя дочь. А потом уже позже мы переехали сюда поближе к внуку. Никаких там особых привилегий никогда у меня не было. Работа в Президиуме Верховного Совета ведь очень непростая.

На сессии Верховного Совета СССР, 1989 год

Потом Андропов забрал меня в ЦК. Я работал заведующим Отделом административных (правоохранительных) органов, потом заведующим Общим отделом ЦК КПСС. А во времена перестройки снова вернулся в Верховный Совет. Меня избрали заместителем председателя Верховного Совета. А когда Горбачев стал президентом – в марте 1989 года – председателем

парламента. С Горбачевым мы учились на разных курсах. То, что мы с Горбачевым друзья – это выдумка Роя Медведева, что мы чуть ли не с детства были друзьями. Как я уже сказал, мы не были однокурсниками. И никогда не были друзьями. Знакомы были. Да. Все жили в одном общежитии на Стромынке. И будущая госпожа Горбачева тоже. Кстати Раису я даже лучше знал.

М.Н.: То есть «Лукьянов и Горбачев – друзья» это неправда?

А.Л.: Это неправда. Рой Медведев просто нашёл в комсомольской газете «Университетский комсомолец» сообщение о том, что заместителем секретаря бюро комсомола факультета был Горбачёв, а секретарём комсомольской организации курса был я. Но это был другой Лукьянов. Хороший парень, но на третьем курсе будучи дома на каникулах утонул. А Рой Медведев представил свою версию наших с Горбачевым отношений прямо на Съезде народных депутатов. Просто всех слегка дезинформировал.

М.Н.: Интересно. А как вы уже потом встретились в правящих кругах?

А.Л.: Я тогда уже был к тому времени заведующим секретариата президиума Верховного Совета.

М.Н.: Вы сказали, что дальше была политика. А в советское время была политика с вашей точки зрения?

А.Л.: Конечно.

М.Н.: Политическая жизнь была?

А.Л.: Была, была политическая жизнь, и очень серьёзная. Но партийная. Конечно, были нарушения прав человека. Но совсем не так много, как об этом пишут сейчас. И уж совсем их было мало по сравнению с тем, что творится в наши с вами дни.

М.Н.: Но вы говорите о своём времени?

А.Л.: Да, конечно, о своём времени. Не о 34-м, когда речь шла о борьбе с кулаками и с контрреволюцией, не о 37-м и не о 49-м. Я об этом не говорю, это отдельный вопрос. Это можно долго рассказывать. Рассказывать подробно, потому что я видел все эти периоды в документах, когда был заведующим Административным отделом ЦК. Я знаю, кто доносил, кто наказывал, кто наказан... Например, сколько с Украины поступило перед утверждением Конституции 37-го года предложений разобраться с кулаками, а заодно и с партийными кадрами. Сколько, скажем, приговоров подписал секретарь московского горкома партии – Никита Сергеевич Хрущёв, он побил все рекорды, он предлагал репрессии для 40 000 человек. Я написал об этом в своей книге. Это был такой способ внутрипартийной борьбы, расчистки самому себе дороги к власти.

М.Н.: Не слишком ли широко?

А.Л.: Я могу назвать цифры, это цифры достаточно страшные.

М.Н.: Раз уж об этом зашла речь, интересно ваша трактовка такого знакового явления.

А.Л.: Это долго рассказывать. Вы знаете, это можно было бы отдельно рассказать, лучше.

М.Н.: Может быть отдельно...

А.Л.: Да, потому что это... Доберёмся когда-нибудь, до этого доберёмся.

М.Н.: Ладно.

А.Л.: Когда было объявлено о выборах, и они были, как известно, многомандатными. В Советы избиралась 51 000 человек и с мест поступали предложения расчистить так называемых кулаков бывших. Икрамов из Узбекистана, просил центр дать согласие на применение репрессий к 5441 человеку. Расчищал себе дорогу. «Посташев, Куйбышевская область, настаивал на репрессиях в отношении 6140 человек». Эйхе – несчастный Эйхе, тут такая была шумиха поднята, что его ни за что расстреляли – из Западносибирского края – в отношении 10800 человек. Евдокимов – Азово-черноморский край – в отношении 13606 человек». Что касается Хрущёва, то он от имени коммунистов Московской области заявил о необходимости «разыскать и учесть» и приговорил «к расстрелу и к высылке 41305 человек!»

М.Н.: И это творец оттепели, да?

А.Л.: Да, творец оттепели. Я ничего не изобрёл – это документы.

Что касается Верховного Совета СССР, то я как председатель парламента до самого конца оставался на позиции сохранения Союза. И доказывал Горбачёву, что мы ни в коем случае не можем пойти на конфедерацию. Любой юрист знает, что конфедерация – это не единое государство, это международно-правовой союз. А Горбачёв готов был пойти даже на это. Шли переговоры. Я в них участвовал. Об этом много написано. Вы это всё найдёте в моей книжке. Я не входил в ГКЧП, потому что я был председателем коллегиального представительного органа. Но именно я был автором формулы, которая голосовалась на референдуме о сохранении Союза в марте 1991 года. Эта формула, как известно, получила 74.6% голосов по всей стране. То есть сделала сохранение Союза обязательным. Я был и автором Закона об обязательности решений референдума для всех органов и всей страны. Когда меня попытались обвинить в заговоре с целью захвата власти, ко мне в тюрьму пришли генеральный прокурор, председатель КГБ, председатель Верховного Суда, директор тюрьмы. Я им сказал: «Давайте, я с вами разговаривать не буду вообще. Во-первых, вы не имели права меня арестовывать. Это мог сделать только Верховный Совет или Съезд. А во-вторых, дорогие господа, найдите мне хотя бы одну статью, которую я нарушил, вот тогда я с вами стану разговаривать». Так они и не нашли за целых полтора года эту статью, и я все эти полтора года промолчал, не давая никаких показаний. Написал книгу стихов, три венка сонетов. Тот, кто знает, что такое сонет, а, тем более, венок сонетов – поймет.

М.Н.: Анатолий Иванович, вот распространено такое мнение, что в советское время политическая мысль существовала в разных формах, в скрытых формах – в юриспруденции, в исторической науке, а потом, так или иначе, появилась

дисциплина научный коммунизм. Помните ли вы введение этой дисциплины?

А.Л.: Я не сдавал такого...

М.Н.: Я имею в виду инициативу в 60-х по введению этой дисциплины по всей стране. И есть ли у вас отношение какое-то к ней?

Москва, 1974 год

А.Л.: С моей точки зрения, коммунистом становится человек по поступкам, а не по оценке в зачетке. Коммунистическая партия родилась как рабочая партия в крестьянской стране. И основой этой страны была сельская поземельная община. 80 % крестьян было в общине. Потом появится Столыпин, который начал разрушать общину, воевать с ней. Сколько он повесил? Около десяти тысяч человек только виселиц было. Российская промышленность тоже основывалась на коллективной рабочей артели. От этого никуда не уйдёшь. То есть, русский народ сложился таким образом, что он мог только коллективно освоить эту страну. Откуда появился паровоз первый? Артель русская с Полосковым вместе, вот ведь! Таким образом, основой России были два главных коня – это крестьянская община, которая производила всё на селе, и рабочая артель. Вот этот коллективный образ страны очень важен. А потом это общество породило уже коммунистическое движение... Ну, не коммунистическое, скажем, плехановское движение, Ленина, Бакунина, Кропоткина. Вот как. И партия коммунистическая, которая возникла при Ленине, она росла на трудовом коллективе.

М.Н.: То есть это было естественное продолжение многовекового развития?

А.Л.: Да. И тот, кто сегодня говорит, что появился «креативный класс». Где? Кто это? Вот рабочий был креативом? В какой-то степени был, но в той, в какой его сейчас представляют – нет. Поэтому, с моей точки зрения, тот, кто замахивается сейчас на коммунизм, но опирается на так называемый средний класс, у того ничего не получится. Потому что средний класс – это класс индивидуалистов. А коммунизм – идея коллективистская.

М.Н.: А кто опирается на него, вы имеете в виду?

А.Л.: Не только интеллигенция. Я не стал вам сегодня рассказывать о моей беседе с Тэтчер. А ведь именно Тэтчер выступила с концепцией о том, что нужно делать с Россией.

М.Н.: Новый колониализм?

А.Л.: Да.

М.Н.: И глобализм?

А.Л.: Да. Но это очень грубо, очень. Вот сейчас в Сирии что сделано? Создано движение, которое в конце концов уничтожит, поставит американца. Украина – это что такое? А Грузия? Повторяю, это грубая схема, не годится она в политике, но она зато абсолютно ясна.

М.Н.: Как же она сработала с Советским Союзом?

А.Л.: Именно так и сработала. Тэтчер пишет: «Мы подбирали долго: Горбачёв или Ельцин». Вот прямо так. Речь ее у меня есть полностью.

М.Н.: Это её официальная речь?

А.Л.: Официальная. Хотя она, Тэтчер, мне очень нравилась. Очень обаятельная женщина...

М.Н.: А когда вы встречались с ней?

А.Л.: 28 марта 91-го года у нас был двухчасовой разговор, двух хитрых людей.

М.Н.: То есть это был очень дипломатичный разговор?

А.Л.: Чёрта с два! Она очень прямая.

М.Н.: Вы сейчас смотрите книгу «Парламентаризм...»?

А.Л.: Да.

М.Н.: Полное название...

А.Л.: «Парламентаризм в России: вопросы истории, теории и практики». Она разошлась очень быстро. Студенты хорошо ее читают.

М.Н.: В том числе в книге описано ваше общение с ней?

А.Л.: Нет, не описано...

М.Н.: Там есть цитаты из речи?

А.Л.: Вот, речь Тэтчер, 101-я страница. Вся речь полностью.

М.Н.: Вся речь приведена?

А.Л.: Мне ничего не надо доказывать, она все сама доказала. Она выступала в Хьюстоне, в ноябре 91-го года, когда ещё не распался Союз. «Советский Союз – заявила Тэтчер – это страна, представляющая серьёзную угрозу для западного мира, я говорю не о военной угрозе» – смотрите, как – «её, в сущности, не было. Наши страны достаточно хорошо вооружены, в том числе и ядерным оружием. Я имею в виду угрозу экономической. Благодаря плановой экономике, своеобразному сочетанию моральных и материальных стимулов, Советскому Союзу удалось достигнуть высоких экономических показателей. Процент прироста валового национального продукта у него примерно в два раза выше, чем в наших странах. Если при этом учесть огромные природные ресурсы СССР, то при рациональном ведении хозяйства у Советского Союза были вполне реальные возможности вытеснить нас с мировых рынков. Поэтому мы всегда предпринимали действия, направленные на ослабление экономики Советского Союза и создание у него внутренних трудностей. Причём, основным было навязывание ему гонки вооружений. Важное место в нашей политике занимает учёт несовершенств Конституции СССР. Формально, она допускала немедленный выход из СССР любой, пожелавшей этого союзной республике. Причём, практически, путём решения простым большинством голосов её Верховного Совета. Правда, реализация этого права была в то время практически невозможна, из-за цементирующей роли компартии и силовых структур» – вот кто мешал, оказывается! «И всё-таки в этой конституционной особенности были потенциальные возможности для нашей политики. К сожалению, несмотря на наши усилия, политическая обстановка в СССР долгое время оставалась весьма стабильной. Однако, вскоре стала поступать информация о ближайшей смерти советского лидера и возможности прихода к власти с нашей помощью человека, благодаря которому мы сможем реализовать наши намерения»... Тэтчер, Тэтчер... И это она не мне говорит, она выступает в США. «Это была оценка моих экспертов, а я всегда формировала очень квалифицированную группу экспертов по Советскому Союзу, и по мере необходимости способствовала эмиграции из СССР нужных специалистов. Этим человеком был Горбачёв, который характеризовался экспертами, как человек неосторожный...» Подтверждаю. «...внушаемый и весьма честолюбивый. Он имел хорошие взаимоотношения с большинством советской политической элиты, и поэтому приход его к власти с нашей помощью, был возможен. Деятельность народного фронта не потребовала больших средств, в основном это были расходы на множительную технику и финансовую поддержку функционирования аппарата. Однако весьма значительных средств потребовала поддержка длительных забастовок шахтёров. Большие споры среди экспертов вызвал вопрос о выдвижении Ельцина в качестве лидера народного фронта с перспективой последующего избрания его в Верховный Совет российской республики в противовес лидеру Горбачёву. Большинство экспертов были против кандидатуры Ельцина, учитывая его прошлое и особенности личности». Да уж... Этого я знаю, как облупленного. Даже в одной даче с ним жил. В деревянной такой даче.

М.Н.: С Ельциным?

А.Л.: С Ельциным, с его семьёй. «Однако состоялись соответствующие контакты и договорённости, а решение проталкивания Ельцина было принято. С большим трудом Ельцин был избран...» Правда, вы знаете, тремя голосами. «...Председателем Верховного Совета России и сразу была принята декларация о суверенитете России». Вопрос от кого, если Советский Союз был в своё время образован именно вокруг России и на основе России? И вот это уже действительно было началом распада СССР. «Борису Ельцину была отказана существенная помощь и во время событий августа 91-го года. Когда руководящая верхушка СССР блокировала Горбачёва, попыталась восстановить систему, обеспечивающую целостность СССР, сторонники Ельцина удержались, причём он обрёл значительную, хотя и неполную, реальную власть над силовыми структурами. Все союзные республики, воспользовавшись ситуацией, объявили о своём суверенитете. Правда, многие сделали это в своеобразной форме, не исключая членства в Союзе». Тэтчер даже это сумела увидеть. «Таким образом, сейчас de facto произошёл распад Советского Союза, однако de jure Советский Союз существует. Я уверяю вас, что в течение ближайшего месяца вы услышите о юридическом оформлении распада Советского Союза». Эта речь была произнесена Тэтчер примерно за две недели до сообщения о Беловежских соглашениях.

М.Н.: Анатолий Иванович, неужели такие возможности были у западных стран, о которых говорит она, чтобы настолько влиять в закрытой стране на советских деятелей и на процессы забастовок?

А.Л.: Ну, во-первых, не было без этой поддержки никаких особенных забастовок...

М.Н.: Имеется в виду в принципе, неужели такие возможности были?

А.Л.: Конечно. Были, конечно.

М.Н.: Где же было КГБ в таком случае?

А.Л.: КГБ тоже было разное. Одни брали взятки, другие ещё что-то. Номенклатура тряслась за свои места. Директора заводов очень хотели приватизировать свои заводы, чтобы стать хозяевами и получать прибыль себе в карман.

М.Н.: Это ни в какой мере не блеф?

А.Л.: Нет, конечно. А почему блеф? На всё надо реально смотреть. Жизнь есть жизнь. Политика есть политика. Кстати, Тэтчер, она даже в тюрьму мне прислала свою книжку. Мне она понравилась.

М.Н.: Между вами было напряжение особое?

А.Л.: Не было напряжения. Никакого

М.Н.: Не было напряжения?

А.Л.: Не было.

М.Н.: Но при этом вы понимали, что стоит за вашим разговором?

А.Л.: Да, Конечно. Два политика друг друга понимали.

М.Н.: А где вы встречались?

А.Л.: В Кремле, у меня в кабинете.

М.Н.: Может быть, чуть подробней?

А.Л.: Хватит, хватит. Я думаю, хватит на сегодня.

М.Н.: Хорошо, Анатолий Иванович, давайте тогда на этом прервёмся.

Фотографии любезно предоставлены А.И. Лукьяновым. Текст беседы отредактирован Еленой Анатольевной Лукьяновой, за что приносим ей глубокую благодарность.